

В XI веке Англию захватили норманны.
Многих коренных жителей, саксов,
согнали с привычных мест.
Эта участь постигла и юного Робина.
Он собрал отряд из таких же, как он,
обездоленных, ушёл в леса и стал разбойником
по прозвищу Робин Гуд. Случалось, что
награбленное у богатых он раздавал беднякам.
Англичане любят своего героя, а почему —
читатель узнает из народных баллад.

О ТРЁХ СВЯТЫХ ОТЦАХ И МИЛОСЕРДИИ БОЖИЕМ

*Двенадцать месяцев в году,
Двенадцать, так и знай!
Но веселее всех в году
Весёлый месяц май.*

Двенадцать, но самый весёлый — май! Зелёным шумом полны леса, но самый зелёный лес в Шотландии — Шервудский лес. Дождь обрызгал листву дубов, солнце торопится высушить землю, а в сырой прохладе лопаются за жёлудем жёлудь, гонят кверху ростки остролист и чертополох, пробивая зелёными стрелами рыхлую прошлогоднюю прель.

По узкой лесной тропе, то и дело пригибая головы и стравивая с ветвей дождь радужных капель, ехали два всадника. Копыта лошадей глубоко уходили в разбухшие листья, мох и молодую траву.

Птицы звонко пересвистывались над головами путников, словно потешались над неуклюжей посадкой толстенького, который трусил впереди. Он болтался в седле из стороны в сторону, так что распятие подпрыгивало у него на груди. Капюшон его плаща сполз на затылок, открыв дождевым каплям и солнечным лучам блестящую круглую, как тарелочка, тонзуру.

Второй всадник, ехавший следом за ним, посмеивался, глядя, как короткие ножки его спутника беспомощно ловят подтянутые к самой луке седла стремяна. Он одет был в такой же плащ, и такое же распятие висело у него на груди. Только поверх плаща и спереди и сзади нашито было по большому кресту.

Не только по этим крестам можно было узнать в нём крестоносца: он сидел на коне прямо, чуть-чуть подавшись назад, и даже монашеский плащ не мог скрыть его могучего роста и широких плеч. Это была посадка воина, привычного к седлу и к дальним походам.

— Подле острова Корсика, — говорил крестоносец, спокойно покачиваясь в седле, — подле острова Корсика водятся рыбы, которые, выскочив из моря, летают по воздуху. Пролетев около одной мили, они снова падают в море. Однажды Ричард Львиное Сердце приказал подать обед на палубе, и одна из таких летучих рыб упала на стол прямо перед королём...

«Так, так», — постучал дятел, повернув головку и недоверчиво посматривая на крестоносца.

Но тот продолжал:

— Диковинная рыба также камбала. Вы знаете, отец приор, это рыба великомученицы Агафьи.

Маленький всадник придержал лошадь.

— Почему же вдруг святой Агафьи, каноник? Я слышал, что камбала — это рыба Богоматери. Говорят, что Пречистая однажды пришла к рыбакам, которые вкушали от этой рыбы, и сказала им: «Накормите меня, потому что я — мать Божия». Но рыбаки не повери-

ли и стали смеяться над нею. Тогда святая дева протянула руку к сковородке, на которой лежала наполовину съеденная рыба, и половинка рыбы ожила и запрыгала на сковородке. С тех пор камбалу и зовут рыбой Богоматери. А при чём тут святая Агафья?

— Не верьте, отец, — ответил каноник. — Такие басни выдумывают люди, которые не видели света и всю жизнь просидели в своём приходе. Я знаю совершенно точно, что камбала — это рыба святой Агафьи. Когда мы покинули Сицилию, нам случилось пройти мимо огненного острова Мунтгибель. Когда-то он изрыгал столько пламени, что возле него высыхало море и огонь сжигал рыбу. И однажды большой огонь вырвался из жерла горы Мунтгибель и двинулся к городу Катанаму, где почивали чудотворные мощи блаженной Агафьи. Тогда жители города Катанамы стеснились вокруг её гробницы и выставили её плащаницу против пламени. И огонь возвратился в море и высушил воду на расстоянии одной мили и сжёг рыбу. Немногие из рыб спаслись полусожжёнными — от них произошла камбала, рыба блаженной Агафьи... Что с вами, святой отец?

Маленький всадник так резко остановил свою лошадь, что конь каноника ткнулся мордой в её круп. Отец приор испуганно вглядывался в лесную чащу, словно увидел в кустах жимолости страшное чудовище.

— Что с вами, отец приор? — повторил свой вопрос каноник, убедившись, что ни справа, ни слева от дороги не видно ничего угрожающего.

— Скажите, каноник, — прошептал маленький всадник, — ведь это... ведь в этих лесах скрывается Робин Гуд?

Лёгкая тень пробежала по лицу крестоносца: может быть, просто птица пролетела между ним и солнцем, может быть, ветка, качнувшись, уронила на него прохладу.

— Ну и что же? Надеюсь, вы не боитесь жалкого разбойника, отец приор?

Очень тихо, точно опасаясь, как бы соседние дубы не услышали его слов, маленький всадник ответил:

— Боюсь, дорогой каноник. Вы ведь знаете, я не из храбрых. И потом, вы слыхали, что говорил аббат в монастыре святой Марии? Они чаще всего нападают на нас, беззащитных служителей церкви.

— Хотел бы я встретиться с этим хвалёным разбойником! — сказал каноник. — Не думаете ли вы, что он страшнее сарацин? Оставьте заботу, отец приор. Вот эта кольчуга, — при этих словах крестоносец распахнул свой плащ, — вот эта кольчуга отразила тучи стрел под стенами Иерусалима, а этот меч, — тут он выдернул наполовину из ножен короткий меч, — будет вам

такой же верной защитой, какой был королю Ричарду на Аскалонских полях.

Дёрнув поводья, каноник объехал лошадь своего спутника и решительно двинулся вперёд. Отец приор потрусил за ним, стараясь не отстать ни на шаг. С полчаса они ехали молча.

Мало-помалу лошади ускоряли шаг; солнечные сетки гораздо быстрее скользили теперь по лицам всадников, непочтительные ветви задорнее сбрасывали на путников пригоршни алмазов, и распятие всё яростней кололось на груди неумелого ездока.

Деревья расступились, и лошади пошли рядом, голова к голове.

Отец приор оглянулся через плечо и прошептал:

— Вы знаете, каноник, почему я боюсь Робин Гуда? В день святого Климента убежал у меня ослушный виллан, Клем из Ключ. Прошёл слух среди моих людей, будто он ушёл к разбойнику в Шервуд. Плохо придётся мне, если я встречу его в лесу.

Горелый пенёк в сумраке леса часто прикидывается человеком, опустившимся на колени, а хитрые дрозды пересвистываются и вовсе разбойничьими голосами...

— Хотел бы я знать, о чём думает лорд шериф, — громко сказал крестоносец. — И что ему стоит прислать сюда десяток хороших солдат! Будь я на его месте, через три дня голова разбойника болталась бы на рыночной площади в Ноттингеме!

— Тише, тише, каноник, не искушайте провидение. А я так думаю, что шериф ничего тут не может поделать. Ведь у Робин Гуда нора — под каждым кустом. Поди-ка его поймай, когда каждый виллан, каждый раб готов отдать ему свою шкуру на сапоги и в беде поминает прежде его, а потом уж святую деву.

Теперь то одна лошадь, то другая забежала вперёд, и всякий раз отставшей приходилось нагонять свою соседку.

— Да не спешите вы так, отец приор! — воскликнул наконец каноник, заметив, что его спутник окончательно выбился из сил. — Если вы будете так сильно

болтаться в седле, у вас непременно лопнет подпруга. Бросьте поводья, пусть лошади отдохнут. Я не рассказывал ещё вам, как мы встретились в Средиземном море с кораблём сарацин?

Лошади пошли шагом; после быстрого бега они продолжали носить боками, шерсть на груди у них потемнела от пота.

Каноник перекинул ногу через седло и сел боком, обернувшись к своему спутнику.

— Завладев островом Кипром, мы двинулись к Аккре. Близ этого города мы заметили сарацинский корабль. Борта его были выкрашены зелёной и жёлтой краской, три высокие мачты уходили под облака. Мы узнали потом, что на этом корабле сарацины везли оружие всякого рода — пращи, луки, копья — и двести штук самых ядовитых змей на погибель христианам. Тучи стрел посыпались на нас. Наши галеры окружили корабль со всех сторон, но ничего не могли сделать. Король Ричард кричал изо всех сил: «Неужели вы дадите врагу уйти невредимым? Так знайте же: вы будете повешены тут же на мачтах, если сарацины уйдут живыми!»

Маленький всадник бросил восторженный взгляд на крестonosца, потом украдкой скользнул глазами по зарослям справа и слева от дороги и продолжал слушать рассказ.

— Эти слова придали нам храбрости, — рассказывал каноник. — «Смелее, воины Христовы!» — крикнул я. Мы накинули верёвки на руль вражеского корабля и по этим верёвкам взобрались на борт. Многим сарацины отрубили руки, многих сбросили в море. «На нос!» — крикнул я, расчищая мечом дорогу. Все мои товарищи пали, прославляя имя Господне. И я очутился один на носу корабля. Десяток кривых сабель...

Вдруг лошади стали.

От неожиданного толчка крестоносец, сидевший в седле боком, едва не упал.

Посреди дороги, протянув руку вперёд, стоял монах в изорванном, заплатадном плаще.

— Святые отцы, подайте нищему служителю Христову! — послышался голос из-под капюшона. — За весь день мне никто не подал ни фартинга на ужин.

Услышав смиренные слова, маленький всадник облегчённо вздохнул. Лицо его, мгновенно ставшее белым, снова оживилось. Он сунул было руку в кошель, когда крестоносец крикнул:

— Проваливай с дороги, монах! Нашёл у кого просить — у нищих служителей церкви! Нет у нас ничего, ступай своей дорогой.

Каноник тронул поводья и проехал мимо нищего. Но нищий догнал его одним прыжком. Сильной рукой он схватил лошадей под уздцы и остановил всадников.

— Святые отцы, — сказал он тихим, спокойным голосом, — неужели мы не заслужили у Господа Бога нескольких золотых монет? Братие, преклоним колена и воззовём к милосердию божию. Может быть, Господь услышит нашу молитву и ниспошлёт нам от щедрот своих на пропитание.

Каноник положил руку на рукоять меча. Но монах заметил это движение. Он тряхнул головой, и капюшон

упал ему на плечи. Молодое, румяное лицо оказалось у монаха. Русая бородка, ровные белые зубы под задорными завитками усов. Крестоносец поспешно слез с коня. Его маленький спутник стоял уже на коленях, сложив руки на груди для молитвы. Неловко подгибая длинные ноги, каноник опустился рядом с ним. Тут и монах преклонил колена.

— Ну, братие, — сказал он, — вознесём молитву к престолу Всевышнего. Повторяйте за мной: «Господи Боже, внемли смиренным рабам твоим»...

Святые отцы перекинулись быстрым взглядом.

— Господи Боже, внемли смиренным рабам твоим... — дрожащим голосом прошептал приор, подняв глаза к небу, заслонённому яркой зеленью дубов.

— Господи Боже, внемли смиренным рабам твоим... — торопливо прошептал за ним каноник.

— ...и ниспошли нам на пропитание...

— ...и ниспошли нам на пропитание...

— ...золота...

Не смея повернуть голову, маленький путник искоса посмотрел на крестоносца. Тот, втянув голову в плечи и согнув дугой могучую спину, повторял побелевшими губами:

— ...золота...

— ...елико возможно больше! — громко воскликнул нищий монах, вскакивая на ноги.